
ГЕОЭКОНОМИКА И ГЕОПОЛИТИКА

УДК 913.1

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ПОДХОДЫ К ДЕЛИМИТАЦИИ И СТРУКТУРИРОВАНИЮ

© 2022 г. А.Г. Дружинин^{1,2*}, Д.А. Вольхин^{3**}, А.В. Шмыткова^{1***}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Институт географии РАН, Москва, Россия

³ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

*e-mail: alexdru9@mail.ru

**e-mail: lomden@mail.ru

*** e-mail: annav1109@mail.ru

Развитие Российской Федерации как морской державы во многом связано с её позициями в оконтуривающих страну морских акваториях, с учитывающей их природно-ресурсную и геополитическую специфику морехозяйственной активностью, а также с социально-экономической ситуацией на находящихся в российской юрисдикции морских побережьях. Это инициирует решение широкого спектра исследовательских задач, нацеленных на выявление специфических общественно-географических структур и процессов в зоне контакта «суша – море». В статье, методологически базирующейся на обобщении отечественных и зарубежных наработок изучения феноменов морской регионализации, аква-территориального системообразования и социально-экономической талассоаттрактивности, с опорой на обширную аналитику выявлены геополитические и политико-географические детерминанты обособления Российского Причерноморья. На основе учёта связанных с «фактором моря» (и оценкой удалённости от него) экистических и экономических эффектов (проявившихся в том числе и в последнее десятилетие) предложена делимитация Российского Причерноморья, осуществлена идентификация его центр-периферийной структуры. Особое внимание уделено пространственной стратификации морехозяйственной активности в Российском Причерноморье (морской транспорт, добыча биоресурсов, извлечение природного газа на шельфе и др.), а также его структурированию с обособлением четырёх аква-территориальных «опорных баз» (Севастопольско-Крымской, Ростовской, Новороссийской и Сочинско-Туапсинской). Показано, что военно-политические события (по состоянию на середину 2022 г.) усиливают фрагментацию всего Причерноморья, одновременно существенно повышая для России геополитическую и социально-экономическую значимость её тяготеющих к морю побережий.

Ключевые слова: Российское Причерноморье, делимитация, аква-территориальная система, приморская зона, геополитика, социально-экономическое развитие.

DOI: 10.5922/1994-5280-2022-4-2

Введение и постановка проблемы.

В современном мире, характеризуемом резко возросшим геополитическим противостоянием и геоэкономической фрагментацией, дополняемой переформатированием систем логистики и возросшим дефицитом базовых сырьевых и продовольственных ресурсов, проблематика Мирового океана, включая её социально-экономические аспекты (ещё с 1960-х гг. оказавшиеся в поле зрения исследовательского сообщества, в том числе в нашей стране), вновь актуализируется [15]. В данном контексте в научной повестке, в русле ранее сложившихся и устоявших-

ся методологических представлений о целостности географической оболочки [18; 25], «земноводности» [9; 23] «морских» общественно-географических феноменов, о «сдвиге в море» производства и населения (т.е. талассоаттрактивности, демонстрирующей характер фундаментального и универсального процесса [12; 22]), на приоритетные позиции всё ошутимее выдвигается анализ различного рода аква-территориальных структур [20; 24; 33], транссредовых, асимметричных и дихотомичных, функционирующих на «стыке» суши и моря. Особо пристальное внимание уделяется, при

этом, подобным Причерноморью «морским» трансграничным, транснациональным регионам [33], чьё формирование на постсоветском пространстве напрямую (и вполне справедливо) соотносят с процессами глобализации [1].

Представляя собой природно-экологическую, равно как и (с начала 1990-х гг.) геополитическую, а также ресурсно-экономическую, транспортно-логистическую целостность (ранее уже акцентированную в ряде специальных работ [14; 29; 31]) Причерноморье, с одной стороны, устойчиво сохраняет качество контактной среды, предопределяющей потенциал межстрановой хозяйственной и гуманитарной коммуникации. С другой, в русле общепланетарных политико-экономических метаморфоз последних лет данный аквальный макрорегион не только демонстрирует нарастающие свойства межцивилизационной, межблоковой «барьерности», выступает ареалом геополитического размежевания и противостояния (первоначально обозначившегося в августе 2008 г., чётко проявившегося весной 2014 г. и обретшего, наконец, свою завершенность в феврале 2022 г.), но и дезинтегрируется («размывается») на евро-атлантическую, турецкую и, наконец, российскую (всё чаще осмысливаемую в рамках концепта «Российское Причерноморье» [14]) составляющие. Цель статьи – делимитация и структурирование Российского Причерноморья (как геополитически обособленного сегмента всего причерноморского макрорегиона) в единстве его аквальной (черноморско-азовская акватория) и территориальной компонент (приморские зоны в российской юрисдикции с их хозяйственной и селитебной спецификой), а также выявление формирующих российский сегмент Причерноморья процессов демографической и экономической талассоаттрактивности, идентификация важнейших для него опорных баз морской активности и сопряжённых с их развитием пространственных центростремительных трендов и эффектов.

Материалы и методика исследований.

Исследование феномена Российского Причерноморья базируется на широком спектре культивируемых в современной регионалистике концептуальных подходов и теоретических конструкций. Основополагающими

являются представления об «аква-территориальных структурах» [3], о «приморских зонах» [5], а также о «морских регионах» [10] как ключевых категориях, иллюстрирующих специфику пространственной социально-экономической динамики в зоне контакта «суша-море».

При разработке собственно черноморской тематики значимы и наработки в области лимнологии [17], дополняемые инструментарием трансграничных исследований (включая вопросы «морской» трансграничной регионализации [33]). Решение задачи делимитации и структурирования Российского Причерноморья сопряжено с учётом осмысленных в научной литературе эффектов селитебной талассоаттрактивности и хозяйственной «мореориентированности» [12; 27], а также центр-периферийной стратификации (включая обособление «опорных баз морской активности» [13]), тематике, продуктивно разрабатываемой в нашей стране с конца 1980-х гг. [7]. При установлении «морских» границ Российского Причерноморья авторы руководствовались нормами «Конвенции ООН по морскому праву», а «континентальных» – признанным в теории и практике критерием расстояния от побережья [21], инкорпорированным в реализованный в формате данной статьи триединый методический подход к делимитации приморской зоны, вмещающий: 1) учёт формальной близости-удалённости «от моря», 2) пространственную демографическую и социально-экономическую компаративистику (выявление позитивных локализованных эффектов «приморскости» в рамках дихотомии «приморская зона – внутриконтинентальные территории»), 3) идентификацию «морской составляющей» в позиционировании, функционале и структуре тяготеющих к морскому побережью муниципальных образований (включая обособление в контуре приморской зоны её ядерных элементов – «опорных аква-территориальных баз», а также связующих их линий коммуникации). Основу задействованного в исследовании информационного массива составили данные Росстата в их региональном и муниципальном «разрезе».

Результаты исследования.

Геополитические и политико-географические детерминанты обособления Российского Причерноморья. Российское

Причерноморье ведёт свою геоисторию со второй половины XVIII века, причём современный его пространственный контур в целом сложился в связи с распадом СССР и соответствующим Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) [8]. разделом акватории Черного моря между шестью государствами: Болгарией, Грузией, Россией, Румынией, Турцией и Украиной. Коррективы в подобное размежевание в дальнейшем были внесены грузино-абхазским конфликтом и признанием Россией независимости Абхазии (1992–2008 гг.), территориальным спором Румынии и Украины по поводу владения островом Змеиный (2004–2009 гг.) и российско-украинским государственным принадлежностью косы Тузла в Керченском проливе (2003–2014 гг.). Наиболее же радикальные политико-географические изменения оказались сопряжены с вхождением Крыма в Российскую Федерацию (2014 г.), а также (с марта 2022 г.) с признанием Россией независимости Донецкой Народной Республики (ДНР) и созданием российских военно-гражданских администраций на территории приморских Херсонской и Запорожской областей в результате проведения специальной военной операции на Украине. Сектор российской «геополитической ответственности» в Причерноморье, в итоге, с конца 2000-х гг. вновь обрёл тренд к последовательному расширению: если до 2008 г. протяжённость находящегося в российской юрисдикции черноморского побережья составляло около 450 км, то к началу 2022 г. – уже порядка 1200 км. Рубежи Российского Причерноморья и ныне демонстрируют свою нестатичность, а сама оконтуриваемая ими аква-территориальная структура (наращивающая барьерный и военно-силовой функционал) обретает, при этом, мозаичность в степени своей международно-правовой легитимности и, соответственно, потенциале интернационализации морехозяйственной активности.

В частности, одним из элементов преобладающей отрицательной международной реакции на присоединение Крыма к России стало резкое сокращение заходов иностранных судов в порты полуострова. Практику задержания, ареста и конфискации судов, заходивших в крымские порты, применяет и непосредственно украинская сторона. В результате морские терминалы Крыма в последние годы существенно сократили

объем грузоперевозок [6], были исключены из маршрутов транснациональных круизных туров и полностью переориентировались на каботажное судоходство. Исключениями являлись редкие случаи захода иностранных судов в крымские порты с отключенной системой слежения и морское сообщение с Сирией.

В связи со статусом Крыма как российского региона изменился и правовой режим функционирования Керченского пролива. В настоящий момент де-факто последний и вся его судоходная инфраструктура (прежде всего стратегически важный Керчь-Еникальский канал) полностью контролируется Россией.

Не решенным остается вопрос о статусе российско-абхазской и абхазско-грузинской морских границ. Пограничная служба ФСБ Российской Федерации (согласно соответствующим двусторонним договоренностям) осуществляет патрулирование акваторий, на которые претендует Абхазия. Тем не менее территориальные воды данного признанного Россией государства не имеют существенных ограничений для захода в порты республики иностранных судов с точки зрения международного права. При этом в законодательстве Грузии предусмотрены санкции для подобных случаев, и эта страна эпизодически применяет практику задержания судов, заходивших в абхазские порты без ее разрешения.

В связи с признанием Россией ДНР в акватории Азовского моря появился новый сегмент территориальных вод с особым, пока неясным международно-правовым статусом, в котором находится важный для республики порт Мариуполь. Еще более неопределенный режим функционирования характерен для акваторий, примыкающих к Херсонской и Запорожской областям, морские порты которых либо заблокированы, либо взяты под контроль военно-гражданскими администрациями и эксплуатируются в ограниченном формате.

С высокой степенью вероятности современное состояние геополитической транзитивности для части территорий (и акваторий) Российского Причерноморья будет пролонгировано на перспективу. Характерно, при этом, что именно в северном и северо-восточном сегментах Причерноморского макрорегиона (единого континуально-дисперсного трансграничного пространства) локализуются

ареалы и полосы наибольшей хозяйственной, транспортно-логистической и рекреационной активности (рис. 1), представляющие существенный, всё возрастающий интерес для Российской Федерации.

«Морская составляющая» Российского Причерноморья: пространственная структура

тификация хозяйственной активности. Сложившаяся в акватории Азово-Черноморского бассейна пространственная структура морского хозяйства характеризуется асимметрией своих компонент, полицентризмом, доминированием транзитных транспортных потоков над собственно транзитными и циркумпонтийскими коммуникациями [14].

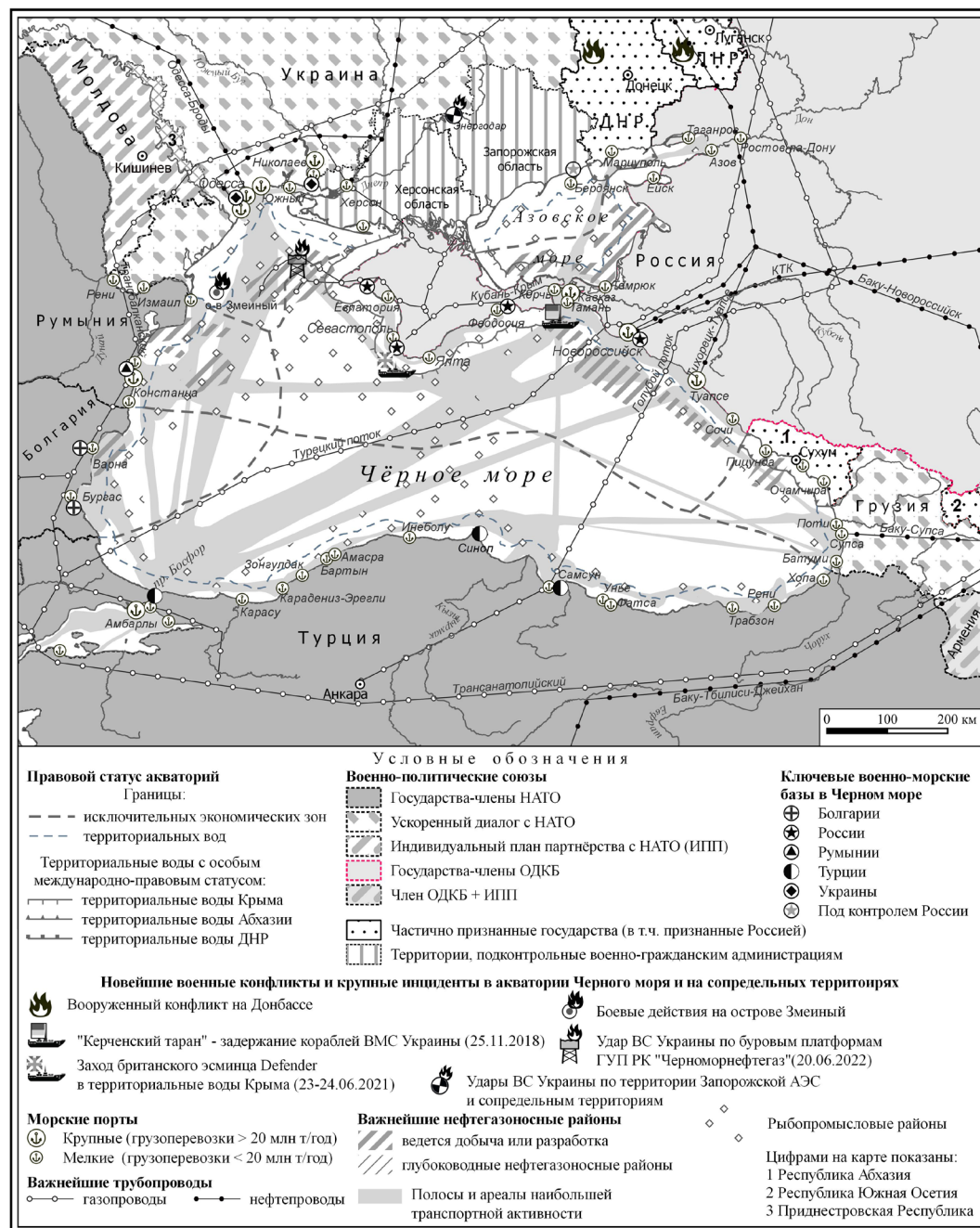

Рис. 1. Геополитическая и морехозяйственная структуры Азово-Черноморского региона (по состоянию на середину 2022 г.)

Составлено авторами по данным: [6; 14; 30].

В формировании панчерноморской морехозяйственной системы Российская Федерация играет ключевую роль в сфере разведки, добычи и транспортировки углеводородов и в формировании крупнейших транспортно-логистических потоков.

Наиболее значимые и обширные *рыбопромысловые районы* размещены в российском (Крымском) и украинском секторах Черного моря и охватывают практически всю акваторию Азовского моря (см. рис. 1). На других участках Черного моря из-за его гидрогеологических, гидрохимических и биологических особенностей рыбопромысловые районы имеют ограниченное распространение в виде узкой прибрежной зоны; они менее богаты как в количественном, так и видовом отношении [11; 30]. Несмотря на подобную локализацию, первенство в рыбопромысловой активности в макрорегионе принадлежит Турции, в разные годы концентрирующей 60–85% (в среднем более 300 тыс. т в год) всех уловов причерноморских стран [28]. Такие показатели обеспечиваются активностью турецких рыболовов в пределах исключительных экономических зон других стран бассейна (включая Абхазию), более богатых биологическими ресурсами.

Рыбопромысловые позиции России в Причерноморье оказались усилены после вхождения Крыма в ее состав. Прирост объема вылова составил 40–50 тыс. т. Крым является лидером отрасли среди причерноморских регионов России, на регион приходится 38,7% российских уловов рыбы и добычи других водных биоресурсов в Азовском и Чёрном морях и 5,8% суммарного показателя отрасли стран Причерноморья в бассейне двух морей. Российский рыбный промысел в Черном море отличается узкая специализация, т.к. основная масса выловленной рыбы представлена тремя видами – хамса, черноморский шпрот и черноморская ставрида (в крымском секторе доле этих видов составляет свыше 90% [16]).

На шельфе Черного и Азовского морей последние десятилетия активно ведется *разведка и разработка углеводородного сырья* – природного газа и нефти. Наиболее перспективными нефтегазоносными районами на данный момент являются (см. рис. 1):

- Причерноморско-Крымская нефтегазовая область, прежде всего в секторе, примыкающем с запада к Тарханкутскому полуострову;

- шельфовые нефтегазовые районы Румынии (структуры Пеликан, Лебэда, Нептун, Восточная Рапсодия и др.);
- шельфовые нефтегазовые районы Болгарии близ Варны;
- Индоло-Кубанская нефтегазоносная область, расположенная в южной части Азовского моря и северной части Керченского полуострова;
- нефтегазоносные участки Керченско-Таманского шельфа: Субботинское месторождение, структура Паласса и др.;
- Туапсинский прогиб, простирающийся вдоль черноморского побережья Краснодарского края;
- глубоководные нефтегазоносные районы: Западно-Черноморская площадь и Южно-Черноморский участок, расположенные восточнее Туапсинского прогиба;
- глубоководные нефтегазоносные районы, выделенные южнее Крымского полуострова: Прикерченский участок, Северо-Черноморская структура.

Ключевой реально разведанный углеводородный потенциал Азово-Черноморского бассейна в настоящее время находится в территориальных водах и исключительной экономической зоне России. В Крымском нефтегазодобывающем секторе основным актором выступает ГУП РК «Черноморнефтегаз», которое разрабатывает (рис. 2) два газоконденсатных (Голицинское и Штормовое), шесть газовых (Архангельское, Джанкойское, Задорненское, Восточно-Казантипское, Северо-Булганакское и Одесское) и одно нефтяное (Семеновское) месторождения в Причерноморско-Крымской и Индоло-Кубанской нефтегазовых областях [19], выполняя функцию обеспечения природным газом населения Крыма. После нанесенного 20 июня 2022 г. удара ВС Украины по буровым платформам «Черноморнефтегаз», данная компания временно приостановила эксплуатацию месторождений в главном газодобывающем районе (см. рис. 1).

Разработка нефтегазоносных акваторий, примыкающих к Краснодарскому краю, осуществляется крупнейшими структурами отрасли в России и их дочерними подразделениями – ООО «РН-Краснодарнефтегаз» (ПАО НК «Роснефть»), ООО «НК «Приазовнефть» (ПАО НК «Роснефть» совместно с ПАО «Лукойл») – Туапсинский прогиб,

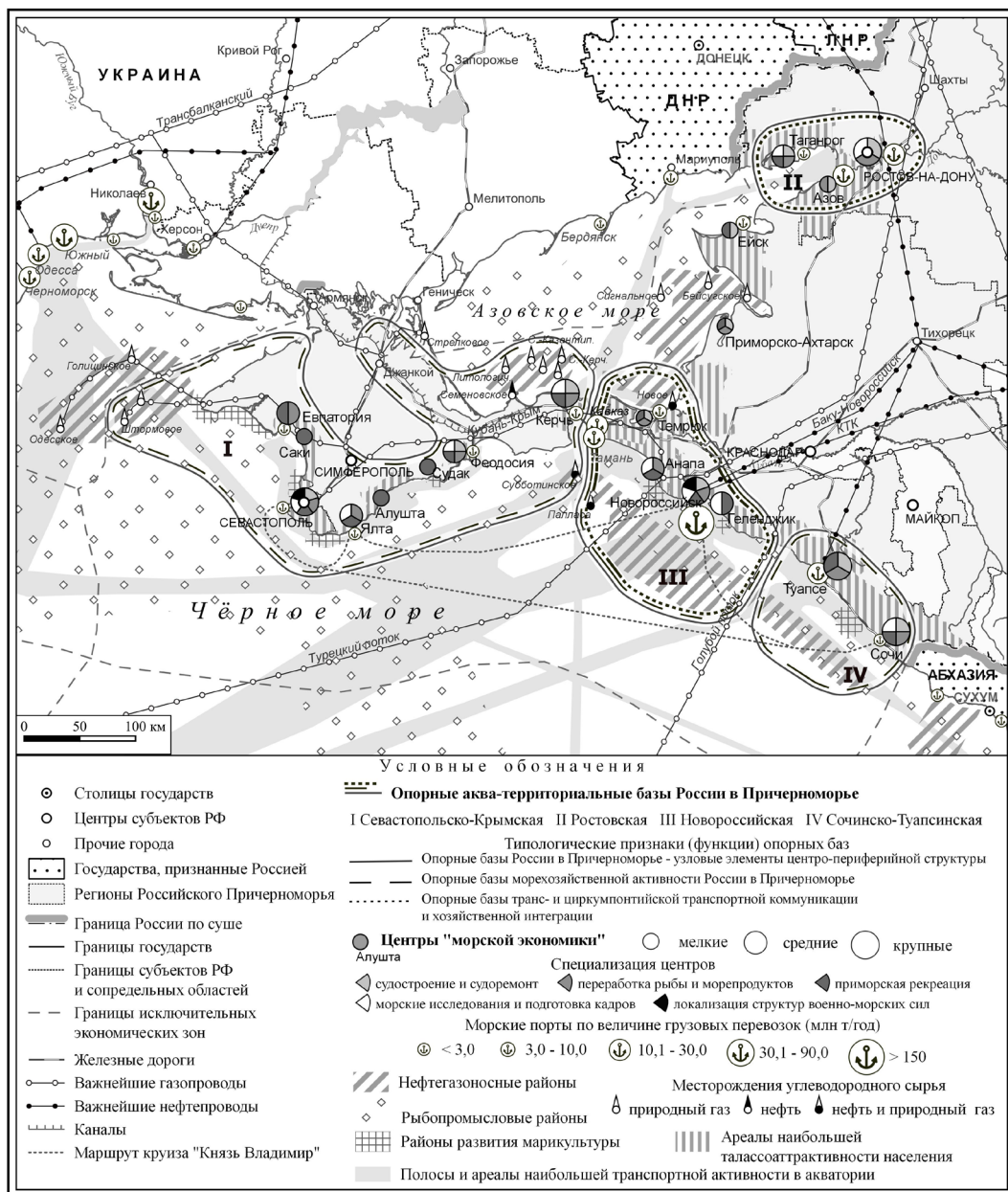

Рис. 2. Опорные аква-территориальные базы России в Причерноморье (по состоянию на середину 2022 г.)

Составлено по данным [2; 6; 14; 19; 26; 30].

Западно-Черноморская площадь, Южно-Черноморский участок в Черном море, Темрюкско-Ахтарский участок, месторождение Новое; ООО «Газпром добыча Краснодар» Бейсугское месторождение и др. (см. рис. 2).

Помимо ареалов и центров добычи ресурсов, территориальную структуру хозяйственного освоения Азовского и Черного морей образуют 46 основных портов и генерируемые ими полосы и ареалы наиболь-

шей транспортно-логистической активности (см. рис. 1). Основной транспортный поток направлен, при этом, в сторону пролива Босфор, у входа в который устойчиво формируется очаг наибольшей плотности судов (свыше 300 тыс. судов/км² в год) [14], ожидающих доступ в различные районы Мирового океана. Второй по значимости ареал судоходства с исходящими от него полосами транспортно-логистической активности при-

урочен к крупнейшему порту на Черном море – Новороссийску. Последний, совместно с портами Кавказ, Тамань и азовскими портами (в меньшей степени), продуцирует транспортный поток, устремленный в сторону Стамбульской агломерации. Не столь существенный по «размеру», но также устойчивые ареалы и полосы транспортно-логистической активности сформировались в акваториях, примыкающих к Николаеву, Южному, Одессе и Черноморску, а также к Констанце, Бургасу и Варне. К числу районов активного каботажного судоходства относятся только южные и западные акватории Черного моря, а также участки у берегов Крыма и Краснодарского края. Наибольшее же геоэкономическое значение для макрорегиона имеют трансчерноморские маршруты транспортировки углеводородов и зерновых культур, сформированные по оси «Россия – Турция», а ключевыми их элементами являются порты Краснодарского края и идущие от его берегов газопроводы (Турецкий и Голубой потоки). Подобная пространственная конфигурация не только объективно повышает для России геостратегическую значимость её «присутствия» в Причерноморье, но и создаёт предпосылки для пролонгированной демографо-селителю и хозяйственно-инвестиционной привлекательности находящихся в юрисдикции нашей страны узловых сегментов черноморско-азовского побережья.

Воздействие «фактора моря» на социально-экономическую динамику российских причерноморско-приазовских территорий: опыт оценки. Представление о социально-экономической специфике примыкающих к морю участков суши укореняется в регионалистике в целом ещё с конца 1950-х гг. [37] (в отечественной науке аналогичные подходы начинают культивироваться с середины 1970-х гг. [21]). С позиций современных превалирующих представлений приморские социально-экономические эффекты имеют место на расстоянии 50 [31; 33] и даже 100 км [35; 36] от побережья. В некоторых исследованиях границы *приморской зоны* прочерчены на удалении до 200 км, в отдельных случаях – до 300, а также 400–500 км. от моря [4]. Признавая как концептуальную, так и ситуационную возможность подобного рода вариаций (предопределяе-

мых, в частности, спецификой транспортной сети, особенностями орографии и др.), авторы считают правомерным делимитировать Российское Причерноморье не только изолиниями близости-удалённости от стыка «суша-море», но и ориентируясь на «приморскую» конфигурацию групповых систем расселения, а также связанных отчасти с присутствием им агломерационными эффектами, отчасти с собственно «фактором моря» уровнем и темпами хозяйственной и демографической динамики. Причём, если в ситуации Крыма в категорию «приморских» согласно формально-дистанционному критерию попадают практически все муниципальные образования, а социально-экономическая стратификация здесь имеет место между наиболее освоенным (в том числе и в морехозяйственном аспекте) югом (треугольник «Севастополь – Симферополь – Алушта») и прочими территориями (в «постукраинский» период судя по жилищному строительству период именно восток полуострова демонстрирует наибольший позитив развития), то на территории Ростовской области эффекты талассоаттрактивности отчетливо проявляются исключительно на расстоянии до 50 км от береговой линии. На эту сравнительно узкую полосу по ситуации на 2021 г. приходилось 47,9% населения данного региона, более 80% вводимого на территории области жилья (что ощутимо выше уровня 2012 г.) и 68,7% оборота розничной торговли (незначительное перераспределение последнего в пользу «внутриконтинентальных» частей области объяснимо возросшим хозяйственно-селителю значением в её структуре автомагистрали «Дон» и, соответственно, тяготеющих к ней городов и районов) (см. табл.).

Аналогичные социально-экономические эффекты наблюдаются и Краснодарском крае, причём на большем (до 100 км) удалении от побережья (на расстоянии до 50 км от морского побережья там сконцентрировано 41% населения региона, а от 50 до 100 км – ещё 27,3%; для вводимого жилья соответствующая пропорция составляет 35 и 50%, розничного товарооборота – 43 и 44%), что связано, тем не менее, преимущественно с системным влиянием на селителю и территориально-хозяйственные процессы фактора Краснодарской агломерации, в целом лишённой морехозяйственного функ-

Таблица. Удельный вес черноморско-азовских территорий РФ (муниципальные образования и субъекты Федерации) в численности населения, вводе жилья и обороте розничной торговли в зависимости от удалённости от моря, %

В муниципалитетах на удалении от моря*	Численность населения		Ввод жилья		Оборот розничной торговли	
	2012 г.	2021 г.	2012 г.	2021 г.	2012 г.	2021 г.
Всё Российское Причерноморье						
Всего	100	100	100	100	100	100
До 50 км	53,8	55,2	55,6	53,4	...**	56,7
50-100	17,5	18,4	28,2	33,6	...**	28,8
100-200	22,9	21,1	14,0	11,2	...**	11,7
200-400	5,8	5,2	2,2	1,8	...**	2,8
Краснодарский край						
Всего	100	100	100	100	100	100
До 50 км ¹	40,4	41,4	41,5	35,3	38,9	42,9
50-100 ²	26,6	28,4	40,1	50,5	47,2	44,0
100-200 ³	32,2	29,1	17,9	14,1	13,7	12,8
200-400 ⁴	0,8	0,7	0,4	0,2	0,2	0,3
Ростовская область						
Всего	100	100	100	100	100	100
До 50 км ⁵	44,9	47,9	70,1	80,1	74,4	68,7
50-100 ⁶	15,9	15,0	12,4	6,4	8,9	9,7
100-200 ⁷	24,0	21,8	10,7	7,8	7,9	13,1
200-400 ⁸	15,1	14,3	6,8	5,8	8,8	8,5
Республика Крым и г. Севастополь						
Всего	100	100	100	100	100	100
До 50 км ⁹	100	100	100	100	100	100

* Перечни муниципальных образований: 1 – Анапа, Новороссийск, Геленджик, Сочи, Горячий Ключ, Щербиновский, Ейский, Приморско-Ахтарский, Каневской, Славянский, Темрюкский, Туапсинский, Абинский, Крымский, Красноармейский, Староминский районы; 2 – Краснодар, Апшеронский, Белореченский, Брюховецкий, Калининский, Кушевский, Ленинградский, Северский районы; 3 – Армавир, Белоглинский, Выселковский, Гулькевичский, Динской, Кавказский, Кореновский, Крыловский, Курганинский, Лабинский, Мостовский, Новокубанский, Отрадненский, Павловский, Тбилисский, Тимашёвский, Тихорецкий, Успенский, Усть-Лабинский районы; 4 – Новопокровский район; 5 – Азов, Таганрог, Ростов-на-Дону, Батайск, Азовский, Аксайский, Матвеево-Курганский, Мясниковский, Неклиновский районы; 6 – Новочеркасск, Новошахтинск, Шахты, Родионо-Несветаевский, Кагальницкий, Зерноградский, Куйбышевский, Багаевский районы; 7 – Гуково, Донецк, Зверево, Каменск-Шахтинский, Белокалитвинский, Веселовский, Егорлыкский, Каменский, Константиновский, Красносулинский, Мартыновский, Октябрьский, Песчанокопский, Пролетарский, Сальский, Семикаракорский, Тарасовский, Тащинский, Усть-Донецкий, Целинский районы; 8 – Волгодонск, Волгодонской, Цимлянский, Чертовский, Шолоховский, Верхнедонской, Боковский, Дубовский, Заветинский, Зимовниковский, Кашарский, Миллеровский, Милотинский, Морозовский, Обливский, Орловский, Ремонтненский, Советский районы; 9 – перечень территорий (субъект Федерации и муниципальные образования): Севастополь, Симферополь, Алушта, Армянск, Джанкой, Евпатория, Керчь, Красноперекопск, Саки, Судак, Феодосия, Ялта, Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Красноперекопский, Ленинский, Нижегородский, Первомайский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский, Черноморский районы.

** корректный подсчёт невозможен в силу межгосударственных валютно-финансовых различий.

Составлено авторами по данным Росстата.

ционала, но (в качестве динамично развивающейся региональной метрополии) оказывающей полиаспектное воздействие на «свою» приморскую зону, на её узловые, опорные структуры.

Опорные аква-территориальные базы России в Причерноморье: структурно-функциональная специфика. В границах Российского Причерноморья сформировались четыре опорные аква-территориальные базы (см. рис. 2): Севастопольско-Крымская

(начала создаваться с конца XVIII в.), Ростовская (со второй половины XIX в.), Новороссийская (с конца XIX в.) и Сочинско-Туапсинская (с первой половины XX в.).

Севастопольско-Крымская опорная аква-территориальная база (являющая «подковообразное территориальное сочетание») – самая обширная по своему площадному охвату, количеству территориальных компонентов и их функциональному разнообразию. Её каркас формируют два крупных полифункциональных центра (Севастополь

и Керчь), а также три городских поселения с более узким спектром морехозяйственной деятельности (Евпатория, Феодосия и Ялта). К этим фокусным структурам со стороны суши тяготеют ареалы выраженной талассоаттрактивности населения (выделены с учетом показателей людности и плотности населения, миграционного прироста и жилищного строительства – см. рис. 2) и рекреационной активности; со стороны моря – полосы и зоны наибольшей морской транспортной коммуникации, основные рыбопромысловые районы и акватории с развитой марикультурой. Исключение составляет лишь локализация нефтегазодобывающих районов, существенно удаленных от берега, но инфраструктурно связанных с выше-названными центрами. Симферополь в этой аква-территориальной системе выполняет управленческие функции. Остальные центры «морской экономики» Крыма демонстрируют превалирующую рекреационную специализацию.

Ростовская база (специализированная на портовой деятельности и припортовой мореориентированной индустрии) компактно локализована в трёхградье Ростова-на-Дону (узлового, доминирующего элемента всей структуры), Таганрога и Азова. Её спецификой является выраженная сопряжённость «приморских» и «внутриконтинентальных» факторов развития (включая логистику), превращающую Ростовскую базу в ключевой элемент геополитического (равно как и геоэкономического, геокультурного) позиционирования России во всём Черноморско-Азовском регионе.

Новороссийская протянулась от Таманского полуострова до границ с Туапсинским районом. В ее ведущих центрах (Новороссийск, Анапа, Темрюк порты Кавказ и Тамань) концентрируется основной потенциал морского транспортно-логистического комплекса и транзита углеводородов в Причерноморье. Здесь же сформировался протяженный ареал талассоаттрактивности населения, продолжающийся и далее на юго-восток вплоть до границ с Абхазией.

Сочинско-Туапсинская являет собой практически непрерывную линейно-узловую приморскую агломерацию, с начала 2000-х гг. демонстрирующую высокие темпы роста численности населения, миграционного прироста и жилищного строительства. Её специ-

ализация связана с приморской рекреацией (повсеместно) и морским транспортом (главным образом Туапсе).

На побережье Азовского моря между Новороссийской и Ростовской опорными базами сформировались также несколько обособленных центров морехозяйственной деятельности – Приморско-Ахтарск, Ейск и примыкающие к нему нефтегазоносные районы с разрабатываемыми месторождениями. Потенциал формирования самостоятельной опорной базы в этом секторе Российского Причерноморья в силу комплекса общественно-географических причин в целом отсутствует.

Выводы. В современном мире «фактор моря» в социально-экономическом развитии масштабен, практически тотален и неоспорим. Крайне приоритетным он, полагаем, продолжит оставаться и в новой для нашей страны реальности, чьим окончательным рубежом и маркером стали разворачивающиеся с февраля 2022 г. военно-политические события. Причерноморье в существенной мере оказалось в их фокусе, ещё чётче (чем ранее) демонстрируя присущую данному морскому трансграничному макрорегиону дихотомию барьерно-контактных свойств, обретая ещё большую политико-географическую фрагментированность и хозяйственную асимметрию. Как показало исследование, последняя чётко выражена не только для приморских территорий, но и непосредственно для самой акватории Причерноморья (где основные рыбопромысловые районы смещены к северу, участки извлечения углеводородов – северо-западу, а важнейшие судоходные пути ориентированы на Новороссийск, Одессу, Констанцу и Турецкие проливы).

Необходимое в данном контексте полноформатное и эффективное «присутствие» Российской Федерации на акваториях и побережьях Чёрного и Азовского морей сопряжено с формированием и развитием (а также идентификацией) особого «земноводного» общественно-географического феномена – Российского Причерноморья, обладающего (как выявил проведённый анализ) не только внутренней центрально-периферийной стратификацией (благодаря неравновесности своих аква-территориальных опорных баз, четыре из которых системно

значимы), но и в существенной мере «размытыми» и, одновременно, «подвижными» границами. Причём, если геополитическое противостояние сопровождается «удлинением» контролируемой Россией полосы черноморско-азовского контакта «суша-море», то её «расширение» (на внутриконтинентальные территории), диагностируемое на основе выявленных позитивных локализованных демографических и социально-экономических эффектов «фактора моря», сопряжено главным образом с развитием приморских агломераций,

а также с повышением транспортно-экономической связанности территорий.

Финансирование. Исследование выполнено за счёт гранта РФФ 22-28-00022 «Геоэкономические и геополитические детерминанты трансформации центрально-периферийных структур в трансграничных «морских» регионах: концептуализация, мониторинг и моделирование в интересах государственного управления (на материалах Балтики, Каспия и Причерноморья)» в Южном федеральном университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус Р. Евро-атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 3. С. 66–77.
2. Атлас социокультурных процессов в Крыму: Карты. Симферополь: ООО «Изд-во Типогр. «Ариал», 2021. 196 с.
3. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Особенности комплексобразования в приморских аква-территориальных зонах Дальнего Востока // Географические проблемы Мирового океана. Л.: Наука, 1985. С. 94–99.
4. Бакланов П.Я. Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 4–16.
5. Бондаренко В.С. Экономико-географическое изучение приморских зон // Вестн. Моск. ун-та. Сер. География. 1981. №1. С. 36–41.
6. Вольхин Д.А. Морское хозяйство Крыма в интеграционно-деинтеграционных процессах в Причерноморье // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 4. С. 5–21.
7. Грицай О.В., Иоффе Г.А., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
8. Гудев П.А. Азово-Черноморский регион: новые политико-правовые реалии // Мировая экономика и междунар. отношения. 2018. Т. 62. № 10. С. 91–102.
9. Дергачёв В.А. Природно-хозяйственная контактная зона «суша-океан» // Изв. ВГО. 1980. № 1. С. 40–45.
10. Дергачёв В.А. Основы экономического районирования Мирового океана. Киев, 1980. 110 с.
11. Дроздов В.В. Многолетняя изменчивость рыболовственных ресурсов Черного моря: тенденции, причины и перспективы // Уч. зап. Росс. гос. гидрометеорол. ун-та. 2011. № 21. С. 137–154.
12. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28–43.
13. Дружинин А.Г. «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 3. С. 89–104.
14. Дружинин А.Г., Вольхин Д.А. Интеграционный потенциал морехозяйственной активности в современном Причерноморье: факторы формирования, особенности и приоритеты реализации // Научная мысль Кавказа. 2021. № 4 (108). С. 5–16.
15. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» общественно-географических исследований в постсоветской России: основные тренды и приоритеты развития // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 17–33.
16. Кожурин Е.А., Шляхов В.А., Губанов Е.П. Динамика уловов промысловых рыб Крыма в Чёрном море // Труды ВНИРО. 2018. Т. 171. С. 157–169.
17. Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 8–20.
18. Марков К.К. Современная география // Изв. ВГО. 1979. № 2. С. 140–144.
19. Национальный атлас России. В 4-х тт. Т. 2. Природа. М.: ПКО «Картография», 2007. 496 с.
20. Пилясов А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макро-региона // ЭКО. 2010. № 12. С. 54–75.
21. Покшишевский В.В. Теоретические аспекты притяжения расселения к морским побережьям и опыт количественной оценки этого притяжения // Изв. ВГО. 1975. № 1. С. 29–35.
22. Покшишевский В.В. География океанов и география населения // Изв. ВГО. 1980. № 4. С. 294–300.
23. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
24. Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Дальний Восток. Отв. ред. В.М. Котляков и П.Я. Бакланов. М.: Paulsen, 2020. 237 с.
25. Сочава В.Б. Главнейшие задачи советской географии в связи с решениями XX съезда КПСС // Изв. ВГО. 1956. Вып. 4. С. 309–315.

26. Социокультурная трансформация регионального развития Крыма / под ред. И.Н. Воронина, А.Б. Швец. Симферополь: Ариал, 2022. 218 с.
27. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Разумовский В.М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Изв. РГО. 2017. Т. 149. № 3. С. 15–31.
28. Фрацук Д.Я. Биоресурсный потенциал Черного моря и его освоение отечественным промыслом в XX–XXI вв. // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 11. С. 1105–1119.
29. Швец А.Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 2. 2018. С. 19–29.
30. Экологический Атлас. Черное и Азовское моря / ПАО «НК «Роснефть», ООО «Арктический Научный Центр», Фонд «НИР». М.: Фонд «НИР», 2019. 464 с.
31. Язькова А.А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7–19.
32. Barragán J.M., de Andrés M. Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations // Ocean and Coastal Management. 2015. № 114. P. 11–20.
33. Druzhinin A.G. Eurasian vectors of maritime economic activity of Russia // Geogr. Nat. Resour. 2020. № 41. P. 99–107.
34. Merkens J.L., Reimann L., Hinkel J., Vafeidis A.T. Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways // Global and Planetary Change. 2016. № 145. P. 57–66.
35. Pak A., Majd F. Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management. 2011. № 54. P. 129–136.
36. Salvati L. Looking at the future of the Mediterranean urban regions: demographic trends and socioeconomic implications // Romanian Journal of Regional Science. 2014. Vol. 8(2). P. 74–83.
37. Staszewiki Josef Die Verbreitung der Bevölkerung nach dem Abstand vom Meer. Warszawa. 1961. 215 p.

Статья поступила в редакцию журнала 21 сентября 2022 г.

Сведения об авторах:

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва.

Вольхин Денис Антонович – кандидат географических наук, старший преподаватель Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Шмыткова Анна Валерьевна – старший преподаватель Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Для цитирования:

Дружинин А.Г., Вольхин Д.А., Шмыткова А.В. Современное Российское Причерноморье: подходы к делимитации и структурированию // Региональные исследования. 2022. № 4. С. 14–25.

DOI: 10.5922/1994-5280-2022-4-2

Modern Russian Black Sea region: approaches to delimitation and structuring

A.G. Druzhinin^{1,2*}, D.A. Volkhin^{3**}, A.V. Shmytkova^{1***}

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

³*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

*e-mail: alexdru9@mail.ru

**e-mail: lomden@mail.ru

***e-mail: annav1109@mail.ru

The development of the Russian Federation as a maritime power is largely connected with its positions in the marine waters surrounding the country, with marine economic activity taking into account their natural resource and geopolitical specifics, as well as with the socio-economic situation on the sea coasts under Russian jurisdiction. This initiates the solution of a wide range of research tasks aimed at identifying specific socio-geographical structures and processes in the land–sea contact zone. The article, methodologically based on the generalization of domestic and foreign developments in the study of the phenomena of maritime regionalization, aqua-territorial system formation and socio-economic

thalassoattractivity, based on extensive analytics, reveals the geopolitical and politico-geographical determinants of the isolation of the Russian Black Sea region. Based on the consideration of the ecological and economic effects associated with the “sea factor” (and the assessment of remoteness from it) (most clearly manifested in the last decade), the delimitation of the Russian Black Sea region is proposed, its central-peripheral structure is identified. Particular attention is paid to the spatial stratification of marine economic activity in the Russian Black Sea region (marine transport, extraction of biological resources, extraction of natural gas on the shelf, etc.), as well as its structuring with the separation of four aqua-territorial «support bases» (Sevastopol-Crimean, Rostov, Novorossiysk and Sochi-Tuapse). It is shown that the military-political events of 2022 increase the fragmentation of the entire Black Sea region, while significantly increasing the geopolitical and socio-economic significance of its coasts gravitating to the sea for Russia.

Keywords: Russian Black Sea region, delimitation, aqua-territorial system, seaside zone, geopolitics, socio-economic development.

Received 21.09.2022